

ЭТА МОЯ СТАТЬЯ — статья-тревога. Тревога о судьбе крохотного, но истинно волшебного края нашей Родины — Коктебеля.

Мне не раз приходилось читать и слышать мнение исколесивших планету, что по красотам природы Коктебель с его изрядной бухтой и парящими над ней вратами из камня со дна морского, с его огромными, похожими на спящих львов холмами и чарующей всех планеристов мира горой Клементьева, с его причудливо застывшими под небесами развалинами вулкана Кара-Даг превосходит все красивейшие уголки земли.

С теми, кто с этим не согласен, я спорить не хочу. И потому повторю лишь бесспорное — то, что написал наш выдающийся мастер слова Валентин Катаев: "Во всём, что видишь в Коктебеле, есть нечто библейское".

В Коктебеле запечатлена та первозданность, которая чудом каким-то сохранилась от Сотворения Мира и от которой веет духом Творца Неба и Земли. И именно эта одухотворённость природы окрест Коктебельской бухты влекла туда самых разных творческих людей.

«Виды Коктебеля» (1928). Автор — Максимилиан Волошин.

Пушкин на полях рукописи "Евгений Онегин" нет-нет, да и оставлял зарисовки увиденного в Коктебеле.

"Алые паруса" Грина не явились бы на свет и не влюбили бы в себя всю романтическую молодёжь, если бы сам писатель не полюбил Коктебельскую бухту.

Николай Гумилёв, обитая там, удивил современников своей знаменитой поэмой "Капитаны".

А сколько текстов и замыслов родилось здесь у Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштама, Михаила Булгакова, Алексея Толстого, Викентия Вересаева, Мариины Цветаевой и других маститых поэтов, драматургов и прозаиков довоенного и послевоенного времени! Коктебель был излюбленной литературной мастерской вплоть до распада СССР.

С началом рыночных реформ на Украине, в составе которой в 1990-х остался Крым, к коктебельским красотам прорвался бизнес. В поселке строились новые гостиницы, а на набережной Коктебельской бухты как грибы росли кафе, бары, рестораны. Там день и ночь гремела музыка.

Но Коктебель по-прежнему манил к себе инженеров человеческих душ. В книге по-сетителей нашего литературно-музыкального салона "Богдан" можно найти сотни записей, которые оставили знаменитые и не очень авторы художественных и публицистических книг.

Тем не менее, в качестве культурного центра Коктебель из года в год угасал. А жителям его всё труднее было просто выживать. И они воссоединение Крыма с Россией восприняли с радостью необыкновенной. Все ждали перемен, таких перемен, которые снова бы превратили Коктебель в

Коктебель погрузился в хаос и грязь, но из высоких кабинетов крымского Совмина этого не было видно

И тут вынырнул из-за сплин "преобразователей" уже давно имевший свои виды на Коктебель Дмитрий Киселёв. Он, известный ныне в России телеведущий и высокопоставленный медичиноленик, заручился поддержкой руководства Крыма и начал действовать.

Уж не возмечтал ли Киселёв превратить поселок Коктебель в свою вотчину? Судите сами: у подножия Кара-Дага он вознамерился построить яхтенную марину. А уникальную заповедную "Тихую бухту" превратить в гольф-клуб. А подумал ли Киселёв о том, что при устройстве поля для гольфа неизбежно будет уничтожена редкая коктебельская растительность? Вряд ли.

Но это ещё не всё. В планах — построить в парке, где стоят заброшенные корпу-

В бухту Коктебеля, как и при киевской власти, то тут, то там выбрасываются канализационные стоки. Очистные сооружения для посёлка строятся уже более двадцати лет. К их строительству подключались "деловые люди", обещаая золотые горы. Получали землю. Построив гостиницы, они напроць забывали о своих обещаниях.

За пять российских лет, как и за много лет украинских, в Коктебеле не приведено в порядок лиственного. В период дождей улицы посёлка по сей день затапливают потоки всего, что смывается с земли и тротуаров. Условия жизни в Коктебеле не беспокоят ни руководство Крыма, ни главного инициатора новых масштабных проектов Дмитрия Киселёва. Им Коктебель, наверное, нужен и без ныряющих его местных жителей, и без тех курортников, которые приезжают сюда из десятилетия в десятилетие.

содержание и благоустройство земельного участка, который находится в охранной зоне Чёрного моря?

В 2017 году общественность посёлка Коктебель обратилась в Совет министров Республики Крым по поводу деструктивных действий отдельных "реформаторов" в отношении посёлка. Был получен чёткий, вразумительный ответ о том, что яхтенная марина и гольф-клуб — это мечты Киселёва. В градостроительном плане этих объектов нет.

Но всё не так просто. Ответы из Совмина Республики Крым — это одно, а реалии — это другое. Заинтересованные лица оказывают давление на разработчиков Генплана, чтобы внести в него гольф-клуб и яхтенную марину. А на основании Генплана — присоединиться к деньгам, выделенным на Федеральную целевую программу. Более того, на разработку Генплана нет архитектурного

вход на территорию "Коктебель-парка" будет платным.

Обращаю ваше внимание, дорогой читатель, что название "Коктебель-парк" не соответствует самому понятию "парк" и разрабатываемому генеральному плану муниципального образования "Феодосийский городской округ", в котором данная территория отнесена к зоне размещения объектов оздоровления и туризма, составлена схема существующих зелёных насаждений.

Анализ проекта "Коктебель-парка" показал необходимость существенных мощностей энергообеспечения (около 3,4 МВт). В связи с этим было принято решение о создании собственной газотурбинной электростанции на 4 МВт. Месторасположение указанной электростанции не указано в схемах "Коктебель-парка". Экологическая экспертиза намеченного объекта не предусмотрена.

По сути, "Коктебель-парк" представляет собой инвестиционную площадку, которую было бы логично размещать на неосвоенных территориях с целью их развития, применяя различные механизмы налоговых послаблений и льгот инвесторам.

В данном случае всё происходит с точностью до наоборот. У посёлка, его жителей и гостей изымается значительная обустроенная, озеленённая, имеющая историческое значение, выполняющая многие функции, включая свободный проход к морю, центральная часть населённого пункта и передаётся в частное пользование со значительной нагрузкой на существующую поселковую инфраструктуру.

Хотелось бы задать вопрос авторам концепции: "Что, это и есть территория счастья для жителей посёлка Коктебель?"

Разработчики Генплана и их хозяева не обращают внимания на заявления общественности Коктебеля. Между тем крайне необходимо предусмотреть в землеустроительной, градостроительной и иной документации, в том числе в сфере инвестиционной деятельности и имущественных отношений, в качестве земель общего пользования, государственной или муниципальной собственности территории всех аллей, дорог, проездов, проходов, парковых зон, русла реки Коктебеля, её береговой полосы и охранных зон.

И это надо сделать в соответствии с п. 12 ст. 85 Земельного кодекса, соответствующими статьями Гражданского и Водного кодексов Российской Федерации.

Необходимо провести инвентаризацию зелёных насаждений с обязательной их регистрацией и постановкой на балансовый и имущественный учёт государственного учреждения и дальнейшим присвоением статуса зелёных насаждений общего пользования.

Необходимо предусмотреть новым генеральным планом Феодосийского городского округа парковую территорию Дома творчества "Коктебель" в качестве зелёных насаждений общего пользования, а все существующие аллеи, проходы, дороги — в качестве земель общего пользования муниципальной образования. Надо в генеральной схеме генерального плана обозначить реку Коктебеля с охранными зонами и береговой полосой; Музейный комплекс "Киммерия Максимилиана Волошина" в полном объёме, включая дом матери поэта Е.О. Кириенко-Волошиной и другие вспомогательные помещения и территории.

Всё, о чём мною сказано здесь, содержалось в неоднократных обращениях общественности к всевозможным организациям. Но это был "глас вопиющий в пустыне".

Те, кто с толстым кошельком наперевес идут в наступление на Коктебель, игнорируя всё, что мешает их планам. Эти "преобразователи" действуют совершенно наоборот тому, что хочу, то и ворочу".

Окончу статью словами Александра Сергеевича Пушкина: "Уважение к мнувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости".

ГАЛИНА ТЮРИНА СОЛНЕЧНЫЙ ТОМАС

Памяти Томаса Иосифовича Корганова

6 июля выдающемуся советскому композитору исполнилось бы 95 лет.

ИСТИННЫЙ ЮЖАНИН, он принимал московскую жару как желанную гостью, уходя от недовольных москвичей: "Вы не знаете, что такое настоящая жара..." Он любил свой день рождения, который всегда был солнечным, а в детстве, в окрестностях Баку, солнце просто ослепляло. Они жили в поселке нефтяников у самого синего моря. Его отец Иосиф Иванович после окончания Петербургского электротехнического института имени государя Александра III был главным инженером нефтяных промыслов. Мама Маргарита Ивановна (Марго) в юности жила в Германии, в доме композитора Шумана, была помолвлена с его внуком Вальтером, но война 1914 года заставила вернуться в Россию. С заветной мечтой: иметь сына-музыканта.

Он родился в 1925 году — после стольких безуспешных попыток из-за всего пережитого красивой Марго: война, ранняя смерть матери, разорение отца, короткое замужество, оборвавшееся весенней ночью 1918 года, когда в Баку при попустительстве оккупантов англичан случилась кровавая резня армян. Марго чудом спаслась, вся семья мужа погибла. И вот должданный сын Томас, названный в честь любимого немецкого писателя Томаса Манна. Она баюкает его старинными романсами под фортепиано. Романсов много, толстый альбом. У сына забава: мама начинает наугад наигрывать мелодию, трёхлетний Томаик тут же отыскивает нужную страницу в альбоме. Как, его же никто не учил нотной грамоте! Вундеркинд, шепчутся взрослые.

— Вряд ли. Похоже на фокус, — усомнился самый знаменитый родственник — Василий Давыдович Корганов, композитор, музыковед, друг Чайковского, Шаляпина, собеседник Верди, Брамса. Притвор охладил мамин пил, зато возликовал отец: сынок впервые по складам прочитал название папиного журнала: "Нефтяные промыслы". Быть ему нефтяником! Он учился в двух школах — обычной и музыкальной. И везде был отличником. Но поводов для гордости не было. Например, острая на язык Тереза, будущая жена Арно Бабаджаняна, преуспевала по фортепиано, а Лёня Зальцман (будущий драматург Леонид Корган) лучше всех писал стихи. На виду у всей школы он с выражением читал стихотворение на смерть Сергея Мироновича Кирова — взрослые смахивали слёзы. У Томика тоже бывали влажные глаза — от музыки, но он их прятал. Музыка в Баку было много: музыканты всего СССР любили этот гостеприимный город. Даже в годы войны приезжали музыкальные знаменитости: Святослав Рихтер, Эмил Гилельс, Леонид Коган... Казалось, война решила судьбу нашего героя. Единственный сын престарелых родителей, он не попал на фронт, его направили в железнодорожный техникум. Параллельно продолжал учебу в музыкальном училище и получил сразу два свидетельства о среднем специальном образовании. Окончание учёбы совпало с окончанием войны.

Вчерашние отличники мечтали о московских вузах. Он мечтал и молчал, чтобы знаменитый дядя Василий Давыдович не спугнул мечту. Как только лучшие друзья детства собрались в Мо-

скову, он решил: еду в консерваторию. У него уже были две тетрадки собственных опусов, про которые никто не знал. В консерваторию его не взяли: предложили позаниматься один год в училище при консерватории. Всё равно это было счастье. Хотя в бытовом отношении московская жизнь — сплошное хождение по мукам: со съёмными углами с громоздким роylem, с частыми переездами, с морозными зимами и скудным питанием. Но: "Музыка, музыка прежде всего!". Музыка было море — разной и прекрасной. Наш герой просто растерялся и забыл про свои тетрадки с описами. Что тетрадки! Вон Грант Григорян, вчерашний фронтовик, пришёл с чемоданом своей музыки, и её разобрали на ура, её хотели играть, анализировать и даже подражать её творцу. Томас принял мужественное решение: композитором ему не быть, это дело избранных, он будет изучать музыку. "Я алгеброй гармонию поверил..." Однажды в консерваторской библиотеке он наткнулся на целое собрание дядюшкиных книг: о Моцарте, Бетховене, Верди, Чайковском — все дореволюционные, с "ятями", с золотым тиснением. Прочитал залпом, удивился: почему их не переиздают? И лишний раз убедился в том, что понимание музыки — божественное дело. Тайна, недоступная никому.

Он уже заканчивал консерваторию как музыковед, готовился поступать в аспирантуру с темой о новаторстве симфонизма Глинка. Как вдруг старший товарищ Карен Хачатурян (племянник великого Хачатуряна и тоже фронтовик) предложил ему показать свои тетрадки самому Шебалину. Виссарион Яковлевич Шебалин — легендарный педагог, композитор, музыковед, директор Московской консерватории в самые трудные годы. Его ученики — Хренников, Фельцман, К. Хачатурян, Пахмутова, Б. Чайковский, Денисов, Губайдулина, Мокроусов, Чичков, Каретников, Николаев, А. Чайковский и многие, многие другие.

Но самые-самые из них — Борис Чайковский и Томас Корганов. И если первый с младенчества знал своё призвание и своё место в ценностной иерархии, то наш герой шёл долго и трудно к сияющим вершинам современной академической музыки. Строгий ценитель Шебалин выбрал из ученических тетрадок нашего героя самые интересные идеи и намечал пути их развития, внимательно наблюдая за подопечным. Вот так из первого неудавшегося квартета родился настоящий солидный опус номер один: "Соната для скрипки и фортепиано". Её исполнил на экзамене по композиции будущий виртуоз Марк Лубоцкий. Это было 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина и Сергея Сергеевича Прокофьева. Томас получил "пяту" — крайне редкая оценка у Шебалина. Выйдя из аудитории, побежал хоронить великих людей. А настоящая премьера первого опуса состоялась летом того же года на... целине. Первую часть сонаты играли на бис в открытом поле под пальцами солнцем. Тогда это было нормой: студенты консерватории шествовали над молодыми целинниками в порядке обмена трудовыми достижениями... Очертания второго опуса в домашних тетрадках Томаса можно было разглядеть разве что рентгеном. Шебалин разглядел. Сначала предложил: "Вам надо попробовать себя в хоровой музыке на национальном материале". Тогда уже гремел вокальный цикл Георгия

Свиридова на стихи Аветика Исаакяна. Только с молодой удалую и бесшабашностью можно было замахнуться на известные тексты армянского классика. Томас замахнулся и — не промахнулся. Созданный под руководством Шебалина Лирический хоровой цикл Т. Корганова на стихи А. Исаакяна нынче изучают в консерваториях.

Что ещё разыскал педагог в домашней "копилке" своего ученика? "Зерно" будущего трубного концерта и заявку на настоящий струнный квартет. Первый был ненастоящим: "В квартете четыре инструмента, и у каждого свой голос, а у вас четыре звучат как один..." Это была архитектурная задачка, но ведь недаром искусство квартета — самое сложное в камерном жанре. И у Томаса получилось!

Через тридцать лет он соберётся с силами и напишет новый квартет — это будет квартет-симфония. С его исполнением справятся лишь два коллектива экстра-класса — солисты оркестра "Виртуозы Москвы" и мастера ансамбля Rusquartet.

Концерт для трубы с оркестром тоже в свой час появится. Идея — Шебалина, заказ — солиста оркестра Большого театра Тимофея Докшицера, автор — Томас Корганов. Правда, заказчик признался, что ему уже не по плечу заданный уровень головокружительного мастерства, и передал эстафету своему ученику Владимиру Сёмкину. Но самым лучшим исполнителем коргановского Трубного концерта стал другой солист оркестра Большого театра, доцент Московский консерватории Андрей Ионов. Он вскоре выпустил альбом бестселлеров трубных шедевров за двести лет — опусы Томаса нашлось место в этом почётном списке. Однажды Министерство культуры РСФСР озабочилось отсутствием новых оперных спектаклей для юношества — детские оперы есть, а вот юношеских, увы... Объявили конкурс. Томас Иосифович Корганов написал оперу по роману Жюль Верна "Пятнадесятилетний капитан" и получил главный приз: семь тысяч советскими рублями. Захватывающий сюжет, классическая борьба добра со злом с неизбежной победой доброты, два часа чистой музыки с широчайшим набором инструментов: от классики до экзотики. Но до сих пор не хватает отваги у наших оперных театров, чтобы это грандиозное произведение представить во всей цельности композиторского замысла. Но главный жанр для композитора Корганова — хоровая музыка. Здесь ему нет равных, например, по числу побед на всероссийских, всесоюзных и международных конкурсах. Хоровая палитра Томаса Иосифовича — от лирических миниатюр до эпической хоровой симфонии "Давид Сасунский" по армянскому эпосу. Дмитрий Борисович Кабалевский считал хоровые партитуры Корганова "высшей математикой". Великий наш хормейстер, чистый гений национальной хоровой культуры Виктор Сергеевич Попов ставил "Давида Сасунского" в один ряд с "Иваном Сусаниным" Глинки.

По заказу Виктора Сергеевича Корганов создал более двадцати хоровых опусов безупречного качества и столь же безупречно они были исполнены его хоровыми коллективами. Волевым, азартным, харизматичным Попов после Шебалина стал вторым наставником композитора: увлекал идеями, делился планами, выводил на конкурные орбиты.

Апофеозом этой завидной дружбы стал авторский вечер композитора по случаю его 75-летия в Большом зале Консерватории 21 сентября 2001 года. Его организовал своими могучими хоровыми коллективами Виктор Сергеевич. Три хора, то сменяя друг друга, то сливаясь в мегахор, озвучили все выдающиеся хоровые произведения Томаса Корганова. Успех был огромный, в зале аншлаги, овации не смолкали... Потом, наедине с собой, он подведёт безжалостный итог прожитому периоду: "Я прощался с лучшей частью моей жизни: вся моя музыка была написана в советское время. Я не знаю, напишу ли что-то ещё..." Увы, не написал!

То же самое случилось с его другом Борисом Александровичем Чайковским: он замолчал после кровавых событий 1993 года, когда всю ночь стоял у окна, курил беспрерывно и не мог оторваться от горящего Дома Советов. Правда, судьба Бориса пощадила: он вскоре ушёл из жизни и не видел толсто разгула "свободы" и "демократии", которые "расцвели" после расстрела парламента. Пассионарий Томас ещё в 1989 году, когда выбирал делегатов на первый съезд народных депутатов СССР, горячо убеждал: "Не голосуйте за Ельцина, каких дров наломает эта пьянь!" Нет, не верили Томасу — верили этой пьяни и его адептам. Бывшая советская интеллигенция буквально слетела с катушек, бегая по митингам, сходям в творческих домах, выстаивая очереди за либеральной прессой. Когда где-то намечался "демократический" митинг, сразу начинался телефонный обзвон с указанием: "Приходите для биомассы", т.е. для толпы. Надо же, ещё недавно толпа была ненавистна, а теперь мила и необходима! Томас демонстративно ходил с газетой "Денъ" под мышкой, пытался цитировать Проханова, но его не слушали. Даже свои, близкие. Велика Москва, а душу отвести нигде. Разве что на "пятачке" у музея Ленина, где тусовались презираемые "красно-коричневые" и где на Томаса вначале косо поглядывали: не провокатор ли, на лицо не русский да еще картавит. Но Томас к нему привыкли и даже одаривали бесплатными газетами.

Особенно он сдружился с высоким кряжистым мужиком, которого звали Владимир Иванович Скопин, а Томас стал его звать Скопин-Шуйский. Бывший инженер, а теперь продавец патриотической

прессы. У него газеты раскупались как горячие пирожки. Всё время появлялись новые названия, например "Вперед! коммунизм". Над ним беззлобно посмеивались, приговаривая: теперь нужен молодой капиталист. Потом появилась "Дуэль", которая шла нарасхват. Томас приносил домой ворох газет и старался все просмотреть, наиболее интересное читал вслух. Но самым любимым и читаемым изданием был "Денъ". Следил, чтобы все номера складывались аккуратно в одном месте. Потом, после кровавой бойни-93, в этом же углу стали складывать газету "Завтра". Томас ходил с ней, как с флагом. Особенно любил широко развернуть в метро или троллейбусе и демонстративно углубиться в чтение. Знакомые интеллигенты шарахались, а от этого ждал как сигнала к началу проповеди. Иногда в доме раздавался вопль: "Томас, а как же твоя музыка?" — "Ну какая сейчас может быть музыка? Крутом разруха, и может, будет ещё хуже". В этих условиях он радовался любой малости, даже специл обрадоваться, но и отрицательные впечатления бытия не пропадали даром: Томас серьёзно занялся публицистикой, его охотно печатали патристические издания. Он гордился гонорарами: чем скромнее, тем дороже, говорил он. Однажды мы с Томасом попали в неловкую ситуацию. Незабвенный Сергей Николаевич Есин пригласил нас в Театр Наций на поэтический вечер нового театрального проекта под неприятным названием "Платформа". Нас посадили в первые ряды, и с первых же стихотворных звуков мы начали ёрзать и думать, как бы поинтеригентнее обещать, ибо со сцены лились потоком матерные рифмы. Есин потом всё это красочно описал в своём "Дневнике писателя", а перед нами долго извинялся, сказал, что его угорюлил прийти Женя Миронов, которого он очень любит за его таланты, но на этой "Платформе" что-то его "переклинило".

Сталина на них нет, резюмировал бы его "музейный" товарищ Скопин-Шуйский. Томас бы поддержал, несмотря на то, что в его семье шестеро репрессированных.

Томаса тоже нет в живых уже пять лет. Но есть его музыка, которую он успел написать в советские годы. Она искрится солнечными бликами. Царствие Небесное её творцу!